

**Креативная речемыслительная деятельность поэтической языковой личности:
отражение в текстах**

Чумак-Жунь Ирина Ивановна

Белгородский государственный университет, Россия
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
доктор филологических наук, профессор
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Аннотация. Внутренние коммуникативно-прагматические механизмы поэтического дискурса обусловлены спецификой поэтической языковой личности, участвующей в процессе поэтической коммуникации. Поэтическая языковая личность – уникальный тип языковой личности, для которой характерны креативная прагматика, эстетическая мотивировка (прагматический уровень), образное мышление, воображение (когнитивный уровень); креативная речемыслительная деятельность, обусловленная поэтической формой (речевой уровень).

Ключевые слова: поэтическая языковая личность, поэтический дискурс, речемыслительная деятельность, креативная прагматика, образное мышление.

УДК 82-1:81'42

Creative communicative cognitive activity of the poetic linguistic personality: Textual reflection

Irina I. Chumak-Zhun

Belgorod State University, Russia
308015 Belgorod, Pobeda Str., 85
Doctor of Sciences (Philology), Professor
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Abstract. Internal communicative pragmatic mechanisms of poetic discourse are brought about by the specifics of the poetic linguistic personality participating in the process of poetic communication. The poetic linguistic personality is the unique type of linguistic personality characterized by creative pragmatics, aesthetic motivation (pragmatical level), visual thinking, imagination (cognitive level), creative communicative cognitive activity which rest on the poetic form (speech level).

Key words: poetic linguistic personality, poetic discourse, communicative cognitive activity, creative pragmatics, visual thinking.

UDC 82-1:81'42

Введение. Обращение к феномену поэтической языковой личности автора как *обобщенного* создателя определенной разновидности коммуникативной культуры этноса – поэзии дает возможность определить специфические когнитивные и прагматические характеристики, которые отличают подобную личность от других типов языковых личностей.

Материалы и методы. Описать инвариантную часть в структуре поэтической языковой личности позволят цитаты из поэтических произведений – в метапоэтических фрагментах заложены предпосылки к познанию бытия и самой сущности поэтического творчества. Языковое сознание (самосознание) поэта отражается в этих цитатах как специфическая реальность, своего рода особый внутренний мир, данный языковой личности непосредственно, познаваемый интроспективно. Ссылаясь на картезианскую философию, Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «самосознание – единственно достоверное, несомненное знание, которое в силу этого является когнитивным субстратом всей системы языковых знаний» [Алефиренко 2007: 219]. Характеристики поэта, которые неоднократно являлись предметом поэтической рефлексии и представляют в поэтических текстах вербально-семантический уровень поэтической языковой личности, можно определить как самоотчет о собственных действиях. Специфика прагматического и когнитивного уровней поэтической языковой личности, а также особенные ощущения, которые он переживает при создании/чтении поэтического текста, определяются такими качествами сознания, как *интенциональность, рефлексивность, эмоциональность*.

Обсуждение. Интенциональность (прагматика поэта). Деятельность поэта, в первую очередь, направлена на создание специфической эстетической информации, которая содержится в поэтическом тексте. Для поэтической языковой личности характерна **креативная прагматика (потребность в творчестве)** – стремление творчески выразить себя и создать индивидуальный, «свой» поэтический образ мира. Поэт высказывает свои цели, мотивы и намерения по отношению к поэзии, используя лексические единицы со значением долженствования или волеизъявления – *должен, хочет, ищет* (в значении *стремится*) и т.д. Автор стремится «в объективированной форме» сообщить об определенных душевных переживаниях, которые открылись им на основании личного опыта, нашедшего отражение в том или ином сти-

хотворении [Сильман 1977: 38]. В поэтическом дискурсе оказываются метафорически связанными внутренним мир поэта-лирического героя (*душа, сердце*) и его поэзия (*стихи*):

Душа стесняется лирическим волнением, / трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / излиться, наконец, свободным проявлением (Пушкин);

Таков поэт: чуть мысль блеснет, / Как он пером своим пролет / Всю душу... (Лермонтов);

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье / Весь этот мир, меняющий обличье (Тарковский).

Эстетическая мотивировка также является одной из причин порождения поэтического текста – в нем представлен эстетический идеал автора:

Сама судьба мне завещала / С благоговением святым / Светить в преддверьи Идеала / Туманным факелом моим (Блок).

Следует подчеркнуть активную роль, которую играет в процессе поэтического смыслопорождения **познание**. В основе поэтического отражения действительности лежит двуединный процесс – рациональное и чувственное познание, причем существует общепринятое мнение, что для поэтической языковой личности первичным является второй вид. Следует согласиться с положением И.И. Ковтуновой о познавательной природе лирики, которая «в целом, в лучших ее образцах, в гораздо большей степени является способом познания мира, чем средством “самовыражения”» [Ковтунова 1986: 134]. В качестве яркой иллюстрации данного положения приводятся пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», в заключительных строках которых раскрывается цель и смысл многих лирических вопросов вообще:

Мне не спится, нет огня; / Всюду мрак и сон докучный. / Ход часов лишь однозвучный / Раздается близ меня. / Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня? / Что ты значишь, скучный шепот? / Укоризна или ропот / Мной утраченного дня? / От меня чего ты хочешь? / Ты зовешь или пророчишь? / Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...

Поэзия является способом самопознания, в том числе и творческого, – автор проверяет себя «как поэт». Ср. у А.С. Пушкина:

Четырехстопный ямб мне надоел: / Им пишет всякий. / Мальчикам в забаву / Пора б его оставить. / Я хотел давным-давно приняться за октаву. / А в самом деле: я бы совладел / С тройным созвучием. / Пуцусь на славу.

Рефлексивность (сознание поэта). Основным качеством (свойством) поэтического мышления является **рефлексивность**, т.е. деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Поэтическая языковая личность – личность, характеризующаяся **креативной речемыслительной деятельностью**, нарушающей автоматизм стереотипного речевого поведения, так как поэт, предлагая собственную вербальную версию представления об обозначаемом, именуется известную действительность по-новому. Речь в данном случае идет не только о словотворчестве, то есть об индивидуально-авторских новообразованиях: под лингвокреативностью понимается в данном случае один из способов самовыражения говорящего, заключающийся в создании новых образов.

Поэт создает мир, переименовывая его:

Как женщины, жаждут предметы, / Как ласки, заветных имен. / Но тайные ловит приметы / Поэт, в темноту погружен (Мандельштам);

...как поэт боится забыть / какое-то / в муках ночей рожденное слово, / величием равное богу (Маяковский).

Условием подобного «переименования мира» является одно из составляющих поэтического сознания – **воображение (художественная фантазия)**. Сущность поэтического воображения состоит в преобразовании прошлого опыта, мысленной ситуации, представляющей собой неразрывную взаимосвязь субъекта сознания со всем остальным содержанием сознания, с образами, идеями и чувствами, хранимыми в памяти. Творческое воображение, в отличие от репродуктивного воображения, не столько воспроизводит, сколько (вос)создает образ посредством трансформаций образов опыта, т.е. «сравнивает два мысленных комплекса, вновь познаваемого (X) и прежде познанного (A) посредством представления (a), как tertium comparationis» [Потебня 1976: 301]. Продуктивное воображение по своему назначению может быть как «опережающим», так и «игрой, выдумкой, чистой очарованностью» [Старобинский 2002: 69, 70].

В процессе преобразования данных сознания с помощью воображения создаются новые образы, идеи и чувства, которых никогда не было в прошлом опыте. Объективная реальность действительного мира, будучи духовно освоенной автором, ложится в основу смоделированной им реальности:

Как мысль моя подобно / Пчеле, полна отрад. / Шумлива, но не злобна / Облетывала сад / Предметов ей любезных / И, взяв с них сок и цвет, / Искусством струн священных / Преобразжала в мед... (Державин).

Благодаря воображению автор творит, создавая на основе фактов бытия свой духовный, внутренний мир, который излагает в произведении:

И, лишь создаст воображенья виды / Существ неведомых, поэта жезл / Их претворяет в лица и дает / Теням воздушным местность и название!.. (Тютчев).

Иначе говоря, с помощью воображения создаются новые мысленные ситуации, моделируются «возможные миры», в которых все высказываемое является истинным. Поэзия – это «образ мира, в слове явленный» (Пастернак).

Основными строевыми элементами в создании образов при лингвокреативном поэтическом мышлении являются элементы художественного (поэтического) сознания – знаки вторичной и косвенно-производной номинации (в широком понимании – метафоры). В процессе творчества отношения сферы предметного бытия и пространства субъективных переживаний кодируются в поэтическом тексте метафорически. Именно с помощью метафоры возникает поэтическая образность, при которой предмет приобретает (новые) признаки, возникающие в воображении поэта.

Так, в основе поэтических образов, созданных М. Волошиным и И. Бродским, лежит метафорическое уподобление *человека книге*, которое основано на представлении о возможности духовной близости с человеком, как с книгой. Однако в воображении Волошина книга-лирический герой оказывается в руках любимой, а у Бродского – читателя, что ведет к разным смыслам, возникающим в стихотворениях: в первом случае лирический герой декларирует возможность существования себя как книги-воспоминания для любимой, а во втором книга – это возможность преодоления пространства и незнания.

М. Волошин: *Теперь я мертв. Я стал строками книги / В твоих руках... / И сняты с плеч твоих любви вериги, / Но жгуч мой прах... / Меня отныне можно в час тревоги / Перелистать, / Но сохраняют всегда твои дороги / Мою печать* (Теперь я мертв. Я стал строками книги...).

И. Бродский: *Ты для меня не существуешь; я / в глазах твоих – кириллица, названья... / Но сходство двух систем небытия / сильнее, чем двух форм существованья. / Листай меня поэтому – пока / не грянет текст полуночного гимна. / Ты – все или никто, и языка / безадресная искренность взаимна* (Посвящение).

При этом поэты виртуозно используют имеющиеся в языке ресурсы. Язык в этом случае «дополняет» действия души, поскольку чем больше в языке возможностей для связи, соединения, разложения и комбинирования элементов (т.е. для реализации принципа аналогии), тем больше он помогает вниманию, памяти, воображению, размышлению, пониманию, тем «ярче отражает и воображение, и фантазию, и эмоции, и оценки, и просто жизненные потребности человека» [Кубрякова 2004: 90]. В сложных процессах поэтического смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания. Образ «возникает в сознании только вместе со словом и только в одном – авторски данном речевом обличье». Он слит именно с этим словом, неотрывен от него, остается с ним и в нем.

Поэтическое преобразование мира – не только приобретение познаний, но и создание их:

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков, / Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света, / Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть, и слышать (А. Толстой).

Именно в результате процессов познания в поэтическом тексте возникают новые смыслы – новая реальность, ранее не существовавшая и вне данного поэтического произведения не существующая.

Эмоции и ощущения поэта. Без сомнения, поэтическое познание и поэтическая коммуникация, как никакой другой вид познания и коммуникации, направляются «не только и не столько логическими (денотативными), сколько психологическими (аффективными) основополагающими движущими силами» [Залевская 2006: 313]. Поэзия, как и любое другое искусство, призвано воссоздать соответствующую эстетическую эмоцию у читателя. Для поэта характерно особое состояние, которое определяет и формирует общий характер процессов поэтического творчества – вдохновение. В поэтическом дискурсе источником энергии вдохновения, метафорически уподобленной энергии свободы, созидания, полета, изображается воображение. Ср.:

Освобожусь воображеньем, / И крылья духа подыму, / И пробужденным вдохновеньем / Природу снова обниму? (Баратынский).

Как условие возникновения (рождения) поэтического текста в сознании (скорее, в подсознании) поэта существует особое ощущение (предчувствие) поэзии – довербальные эстетически направленные аутокоммуникативные ритмомелодические, акцентно-звуковые замысел и его форма:

И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы легкие навстречу им бегут, / И пальцы просят к перу, перо к бумаге, / Минута – и стихи свободно потекут (Пушкин).

Это предчувствие поэзии относится к области бессознательного. Детально процесс зарождения поэтической идеи, сначала не выраженной словами, а имеющей смутную форму в виде разнообразно звучащих голосов, описан А. Ахматовой:

Бывает так: какая-то истома; / В ушах не умолкает бой часов; / Вдали раскат стихающего грома. / Неузнанных и пленных голосов / Мне чудятся и жалобы, и стоны, / Сужается какой-то тайный круг, / Но в этой бездне шепотов и звонов / Встает один, все победивший звук. / Так вокруг него неправомерно тихо, / Что слышно, как в лесу растет трава, / Как по земле идет с котомкой лихо... / Но вот уже слышались слова / И легких рифм сигнальные звоночки, – / Тогда я начинаю понимать, / И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь (Творчество).

«Муки слова» выражают конфликт между желанием и невозможностью адекватно выразить напряжение эмоциональной сферы. Ср. у Пушкина:

И звуков и смятенья полн...

у Тютчева:

Поэт, избытком чувств влеком...

Это предощущение поэзии, которое невозможно определить (передать) до конца (какое-то ощущение), физически мучительное для поэта (*истома, бешенная тоска, страсть, тяжесть, тяжкий, пламенный недуг*), может вылиться только в поэтическую форму:

В размеры стройные стекались / Мои послушные слова / И звонкой рифмой замыкались (Пушкин).

И дышит таинственность брака / В простом сочетании слов (Мандельштам).

В поэзии В.В. Маяковского этот довербальный этап представлен как единение эмоциональной сферы и знаний (сердца и воображения):

Я раньше думал – / книги делаются так: / пришел поэт, / легко разжал уста, / и сразу запел вдохновенный протак – / пожалуйста! / А оказывается – / прежде чем начнет петься, / долго ходят, размо- золев от брожения, / и тихо барахтаются в тине сердца / глупая вобла воображения (Облако в штанах).

Такой вид презумпции содержит «зародыш» герметической поэтической формы с ориентиром на основную единицу поэтической коммуникации – строфу:

Но всё мне дорого – туман их появленья, / Их нарастание в тревожной тишине, / Без плана, вспышками идущее сцепенье: / Моё мучение и мой восторг оне (Анненский).

Все названные характеристики поэтической языковой личности находят отражение в событии текста, облеченном в поэтическую языковую форму, которой поэт владеет в совершенстве.

Заключение. Таким образом, поэт как поэтическая языковая личность является активным субъектом смыслообразования поэтического дискурса, поскольку обладает специфическим поэтическим (образным) мышлением, в основе которого лежит поэтическое воображение (художественная фантазия). Оно, собственно, и определяет креативную речемыслительную деятельность поэта, направленную на событийное создание поэтического текста, обусловленное существующими в сознании довербальным «ощущением поэзии», поэтическими замыслом и формой и мотивированное эстетическим идеалом автора и его стремлением к поэтическому сотворчеству с читателем.

Библиография

Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание поэта: значение и смысл // Текст и языковая личность. – Томск, 2007. – С. 219–224.

Залевская А.А. Ментальный лексикон с позиций разных подходов // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 311–327.

Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3–13.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 224 с.

Старобинский Ж. К понятию воображения: вехи истории // Старобинский Ж. Поэзия и знание. В 2 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 69–84.